

Галина Александрова
Как Кузька хотел взрослым стать

Глава 1. Потому что они — взрослые

Над рекой, на зеленом пригорке расположена деревенька. А в ней стоит красивый чистый домик с приветливыми окнами. А у этого домика есть чисто выскобленное сосновое крылечко. А под крылечком сидит домовенок Кузька. Не просто так сидит. Под крыльцом гнездо гусиное, вот-вот должны гусята из яиц вылупиться, вот он и сидит рядом. Мало ли что! Вдруг вылупиться не смогут? Скорлупа-то толстая, а клювики у них еще слабые, надо будет им камушком помочь, по скорлупе постучать. А может, вылупятся и сразу разбегутся по кустам. А в кустах кошки чужие, а в небе всякие птицы страшные, хищные, напугают маленьких.

Но просто так сидеть домовые не умеют, скучно им просто так сидеть. Домовые больше любят что-нибудь по хозяйству делать или разговоры людей слушать. А маленькие домовые еще играть любят. А Кузька — маленький домовый, домовенок, можно сказать. Всего-то семь веков ему стукнуло, люди в этом возрасте только в школу идут, а Кузьке взрослые домовые дом доверили. Гордится Кузька — большая честь быть хозяином в доме! Гордится и старается, чтобы его дом самым лучшим в деревне был. И очень неплохо у Кузьки это получается, хотя он и не взрослый домовый, а маленький домовенок.

Вот и сейчас Кузька важное дело делает — ждет, когда гусята вылупятся. Ох и трудное это дело! И как только гусыни с ним справляются? Как ухитряются столько времени на одном месте неподвижно сидеть? Решил он было в бирюльки поиграть: только губу оттопырил, только пальцем по ней тренькнул, как взгляд гусыни поймал. Строго смотрит на него гусыня — не любит она, когда возле ее гнезда шумят. Тут, на счастье, люди на крыльцо сели. Сели, разговоры завели. Не так скучно стало Кузьке.

— Мои-то совсем от рук отбились. Ничего сами правильно сделать не могут. Уж и учу, и ругаюсь — все без толку. Квашня у них скисла, пыль по всему дому разлетелась, вещи не на своих местах лежат. Прямо и не знаю, что с ними делать, — говорит один голос.

— Ох, Петровна, твои-то еще ничего. А мои-то чего учудили. Давеча ездила на ярмарку, велела грядку с земляникой прополоть. Приехала — сорняки живы и здоровы, а земляники и след простыл. Вот оставлю их без варенья, будут знать, как не слушаться, — отвечает другой.

Разговоры как разговоры. Про хозяйство, про дела домашние. Да только непонятно Кузьке: разговоры вроде как взрослые, а голоса — детские. Один Анюткин, другой Лидочкин, они в Кузькином доме после бабушки Настасьи, дедушки Пети и кошки Фенечки самые главные. Удивляется Кузька — то кажется, что старенькие бабушки на крылечке своими бедами делятся, а то, что совсем маленькие девочки.

А домовенок не любит, когда ему что-то непонятно. Да и никто из детей не любит, поэтому они всегда вопросы задают и в самых неожиданных местах оказываются — все знать хотят.

Хочется посмотреть Кузьке, а побаивается: а вдруг это Баба Яга его выманивает, голосами сестер странные вещи говорит? Баба Яга хоть и взрослая, а вреднее самой скандальной шишиги, от нее и не такого подвоха ждать можно. Постарался домовенок невидимым сделаться и выглянул из-за крыльца осторожненько. Выглянул и еще больше удивился.

— Ничего не понимаю! Девочки — как девочки, и голоса у них как у девчонок, и косички, и сарафаны. А разговоры — как у старушек. Ой, беда-беда, огорчение! Никак и правда Яга ворожбу на них наслала!

Так захотелось Кузьке правду узнать, что терпеть сил не было. Высунулся он из-за крылечка и дернул Лидочку за край сарафана.

— Ай, кто там? — встрепенулась Лидочка. — Вот я вам, безобразники, никогда посидеть спокойно не дадут!

У Кузьки от этих слов даже волосы чуть-чуть дыбом встали. Никогда раньше Лидочка его так не обижала. Никогда безобразником не обзывала, а даже почитала и слушалась, когда у нее хорошее настроение было. Точно, заморозили!

— Ну, берегись, Баба Яга, — топнул он ножкой, — доберусь я до тебя. И не один доберусь, а с мускулами! Посмотрим, что ты тогда скажешь!

Но добираться до Бабы Яги далеко. Сначала надо до крайней избы дойти, потом направо повернуть, к лесу, а в лесу оба Ягиных дома найти — сначала для хорошего настроения, а если не повезет и Яги в нем не окажется — для плохого. А найти их непросто, потому что у избушек куриные лапы есть и ходят эти куриные лапы, куда им вздумается. Сегодня — тут, а завтра — там. Так что сначала надо попробовать самому девочек расколдовать, а уж

потом, если не получится, идти на бой праведный с Бабой Ягой. Или на переговоры мирные. Как уж получится.

Уже не таясь, выскочил домовенок из-под крыльца, явился перед девочками, ножкой притопнул, подбородок кверху задрал, руки в боки, брови нахмуренные. Сразу видно — шутить не собирается.

— А ну, — кричит, — быстро превращайтесь обратно! А то мне некогда Ягиные дома искать, у меня гусята вот-вот вылупятся!

Даже не смотрят на него девочки! Как будто не домовой перед ними, а корова какая-нибудь или соседский вредный мальчишка Васька.

Смутился немного домовенок, потоптался на месте и опять то же самое кричит:

— А ну, быстро превращайтесь обратно! А то мне некогда Ягиные дома искать, у меня гусята вот-вот вылупятся!

Кузька был очень догадливым домовенком и легко мог придумать новую фразу, но он подумал, что в первый раз его не услышали, поэтому и повторил старую. И напрасно. Потому что и во второй раз никто, совершенно никто не обратил на него внимания. Словно он был соседская коза Маруська или ругачий дед с мельницы.

И тут не пал духом Кузька. Вспомнил он, как его приятель Матвейка из города думал, и стал думать. Сначала почесал пальцами в шевелюре, потом поковырял в носу, затем пожмурил глаза и в заключение стал смотреть вдаль с умным видом.

— Понятно! Я же невидимым сделался! Вот они меня и не видят, вот и не слышат! — наконец-то понял он. — Ай, позор на мои лапти! Ай, голова соломенная! Ай, бестолковка беспамятливая!

Сделался он быстренько видимым, встал в гордую позу, откашлялся и в третий раз кричит:

— А ну, быстро превращайтесь обратно! А то мне некогда Ягиные дома искать, у меня гусята вот-вот вылупятся!

— Ну чего ты заладил, — повернула в его сторону голову Лидочка, — превращайтесь да превращайтесь. Видишь, мы во взрослых играем. Некогда нам на пустяки отвлекаться!

— Почему это на пустяки? А как это, во взрослых играете? Почему это заладил? Вы что, меня и раньше видели? — зачастил Кузька. — Я же невидимым был!

— Пустяки — потому, что мы играем во взрослых, а взрослые в Бабу Ягу не верят, они говорят, что она — детские выдумки и бабушкины сказки, — стала терпеливо, как взрослая, отвечать на его вопросы Лидочка.

— Как сказки? — обиделся за Ягу Кузька. — Яга, конечно, вредная, но не всегда. Иногда может плюшками накормить и помочь дорогу найти усталому путнику.

— Не перебивай. А видели мы тебя и раньше, потому что ты плохо в невидимого превратился. Лапти и уши видать было. Маленький ты еще, неопытный, плохо превращаешься. Это только у взрослых все хорошо получается.

— Почему это только у взрослых? — по своему обыкновению заспорил Кузька.

— Потому что они — взрослые.

Глава 2. На край света

Давно уже Лидочка с Анюткой играть во взрослых перестали, давно уже гусь сменил гусыню на кладке, а Кузька все сидит возле крылечка, думает. Не понимает он, как это можно во взрослых играть?

— Ну еще в лягушек — понятно, — бормочет он себе под нос, — они вон как прыгать умеют, ни один домовенок так не прыгнет! В лошадок — тоже ясно. Они бегают быстрее соседского вредного мальчишки Васьки и сено есть умеют. А как можно играть во взрослых? Что интересного во взрослой жизни?

И тут вспомнил Кузька, как он оконфузился, оттого что не смог полностью невидимым сделаться, и задумался еще крепче.

— А ведь и правда, взрослым домовым быть лучше, чем домовенком, — удивился он, — взрослые высокие, значит, дальше видят и выглядят грознее.

Забыл Кузька, что даже самый взрослый на свете домовый все равно гораздо меньше любого ребенка. И немножечко, самую маленькую капельку завидует взрослым. — А еще взрослых домовых мыши с первого слова слушаются, а мне сначала приходится авторитет устанавливать и показывать, что я не просто так себе, — грустно вспоминает Кузька. И начинает он завидовать взрослым домовым уже побольше, чем самую маленькую капельку.

— А еще взрослые домовые в соседней деревне собираются, опытом делятся, советуются, как все лучше устроить. А меня пока не берут. Мал еще я им для советов-то, — совсем мрачнеет Кузька и начинает уже вовсе завидовать взрослым.

— А еще у взрослых бороды красивые и уши, а ты себе как-то углы приришовал угольком из печки, так мыши чуть животики шо шмеха не надорвали, а Фенечка чумазеньким тебя обозвала, — вырастает словно из-под земли его

подруга шишига Юлька, — а ты вовсе и не чумазым был, а вовсе чудешненьким.

Было дело, нарисовал себе как-то Кузька усы и бороду для важности. Уж больно хотелось ему важным казаться! И нарисовал он себе именно усы, а не «ушы», как шишига сказала. Просто она тоже маленькая и букву «с» не выговаривает, а вместо нее «ш» говорит.

Вспомнил Кузька, как он себе усы нарисовал, и как над ним все, кроме Юльки, смеялись, и совсем духом падает. Ах, как хочется ему настоящие усы заиметь! А вырасти они могут только тогда, когда он взрослым станет. Веков через десять.

— Конфуз у меня сегодня вышел, — жалуется он Юльке, — взрослые в невидимых хорошо превращаются, а я сегодня уши и лапти превратить забыл.

— Ой, как интересно! — всплескивает лапками шишига. — Что ж ты мне раньше не сказал, я бы поглядела, как он выглядит, конфуз этот.

— Взрослым играть не хочется, а у меня столько полезного времени на игры уходит! Ну не могу я не играть, и все тут! Кажется мне, что если я играть не буду, то просто разломаюсь на мелкие кусочки, — продолжает кручиниться Кузька.

— Ой, шишиги родные, — вопит, как ужаленная, Юлька, — не разламывайся, пожалуйста, Кузенька, мне без тебя скушно будет. Ш кем я играть буду? Кто меня вошпитывать будет?

— Не буду я больше играть ни-ког-да, — твердо говорит Кузька, — пойду на край света средство искать, как побыстрее взрослым домовым стать. Хочу поскорее усы, авторитет и своим опытом делиться со всеми домовыми! Прощай, дорогая шишига, следи тут без меня за порядком. Вернусь я взрослым — строго с тебя спрашивать буду.

Тут шишига заголосила совсем дурным голосом.

Чего-чего, а шум поднимать шишиги могут. Этому их мамы-шишиги с пеленок учат. Человеческие мамы детей успокаивают, чтобы не орали, а шишигинские тормозят, чтобы орали. Потому что призвание шишиг — всякие мелкие хулиганства устраивать и людям скучать не давать.

— Ой, Кузенька, — голосит шишига, — и не вздумай даже на край швета уходить! Без тебя в доме никакой дисциплины не будет! Баюнок днем начнет всех шпать укладывать, Кикимора Запечная под штол переберетшя — Подштольной штанет, Жировик-Лизун все запашы поешт, Корогуши вшыкие понабегут. Да и я без тебя ишпортюшь. Как пить дать, ишпортюшь. Баловатыпя начну, шишиг взрошлых не шлущатьшя, шуметь по ночам, ручки у чашек подгрызать. Это я тебе чешно-чешно говорю.

Юлька так нарочно заголосила. На самом деле, она давно уже исправилась и почти совсем не балуется. Просто знает она, что Кузька — самый замечательный домовенок на

свете, и хочет его дома удержать. Ведь самый замечательный домовенок никогда не уйдет на край света, когда дому его угрожает опасность в виде Корогуш и испортившихся шишиг.

— А может, не испортишься? — с надеждой спрашивает Кузька.

— Еще как ишпортьюшь, — грозит Юлька, — хочешь, прямо сейчас портитыня начну? Хочешь, штупеньку у крыльца подгрызу? Дедушка вернется, наштупит на штупеньку, она шло-маетшя, мед разольется, и крыльцо шразу липким штанет. Прибежит бабушка и прилипнет. И Лидочка прилипнет. И Анютка. И кошка Фе-нечка. Вот шмеху будет!

— Ой, беда-беда, огорчение! — Тут уже Кузька голосить начинает и по крыльцу туда-сюда бегать. Чуть-чуть беду на дом не накликать! А еще домовой называется! Что же делать-то? И взрослым стать хочется, и дом оставить нельзя.

— А взрошлым только на краю швета штать можно? — хитренько спрашивает Юлька.

— Не знаю, — задумывается Кузька, — просто во всех книжках добры молодцы счастье именно на краю света находят. Сначала идут до Бабы Яги, она плохих молодцев съедает, а хороших пирогами кормит и клубочек волшебный дает. Куда клубочек покатится, туда добрый молодец и путь держит. А катится клубочек всегда на край света.

— Почему вшегда? — спрашивает любопытная шишига.

— Потому что земля — шар, так в Анюткиной книжке написано. Вот клубочек по шару вниз и катится. Понятно?

— Непонятно, — упрямится Юлька.

— Чего непонятно?

— Непонятно, почему Яга плохих молодцев ешт, а хороших на швободу отпушкает? Я, хоть и шишига, ни за что

ишпорченного молодца ешь не штала бы. Я бы его пожале-
е-ела и пирогами накормила. А шъела бы хорошего,
швежего, вкушненького.

— Нет, не пойду на край света, — решает Кузька, — никак
нельзя мне надолго дом покидать. Только словом
обмолвился, а самая послушная шишига молодцами
закусывать собралась. Так и быть, буду здесь средство
искать, как взрослым стать. Может, ты тоже со мной
взрослой станешь, чтобы мне одному не скучно было?

— Что ты, что ты, — затрясла косичками шишига, — ни за
что я взрошлой не штану! Вот глу-пошти выдумал!
Взрошлым вешти себя надо чинно, прилично, вошпитанно,
взрошлым и покричать как шледует нельзя, взрошлым вше
в тарелке доедать приходитшя да и шалить им не положено.
Нет, ни за что!

— Ну и не надо, — совсем немножечко обиделся Кузька, — только придется тебе, Юлька, все дела по дому на себя взять. Согласна?

— Шоглашна, шоглашна, — смеется шишига, — ты мне только волю дай, я вше дела шразу переделаю. Я хоть и хулигаништая, но порядок тоже люблю... Иногда.

Глава 3. «Взрослильные» яблока

Сидит Кузька, думает. Никак придумать не может, где ему средство для взросления найти. А тут Лешик из леса в гости прибежал, играть зовет.

— Не до игр мне, — вздыхает Кузька, — решил я, что пока не повзрослею, ни за что играть не буду.

— Ну, взрослей скорее, — торопит его Лешик. Лешику тоже надолго из леса отлучаться не следует. Лес без лешего — как дом без домового. Некому в нем за порядком следить, некому за лесных жителей заступаться. А дед Диадох у Лешика старый уже, спит все время да и слышит плохо. Так что маленький лешенок в лесу, — почти за главного.

— Как же я быстро повзрослею, если я средства не знаю? — разводит руками Кузька.

— Какого средства? — ничего не понимает Лешик.

— Для быстрого взросления, — растолковывает ему Кузька. И рассказывает другу, какое огорчение с ним приключилось.

— Знаешь что, — прыгает на месте от нетерпения Лешик, — мой дедушка хоть и слышит плохо, зато все на свете знает. Пойдем у него спросим!

Долго Кузька не сомневался. Схватил друга за лапку и со всей силы припустил в лес. Даже узелок собрать не успел. Какой тут узелок, когда время не терпит!

Ох и любил домовенок в лесу бывать! Хоть и считают домовых домоседами, а они тоже любят иногда из дома выбираться. А лес для Кузьки как родной был — здесь его лучший друг жил, здесь как-то Кузька целую зиму зимовал, здесь он не раз и не два с Бабой Ягой в жмурки-пряталки играл. Каждую тропку знал, с каждым деревцем знаком был. И пенек старый, где жил дедушка Диадох, тоже узнал сразу. Приметный это пенек был, особенный.

Опята, что росли на пеньке, ни за что не давались в руки грибнику. Только нагнется человек, только ножичком к тонкой ножке гриба приладится, как за спиной его либо птица крикнет, либо ветер вздохнет. Вздрыгнет человек, обернется, а опята — врассыпную. Не хотят они в грибную похлебку идти, им и на пеньке весело! Потрет глаза человек, постоит немного, махнет рукой — показалось! И дальше пойдет. А опята возвращаются и такой писк поднимают, что будят деда Диадоха. Только он не сердится.

— Дед Диадох, дед Диадох, — затрещал Лешик, как только приблизились друзья к пеньку, — выходи скорее, а то Кузька на край света уйдет!

Не отвечает Диадох, только эхо, непонятно как забравшееся в старый трухлявый пенёк, пискляво отвечает Лешику:

— На квашню упаде-е-ет!

— Древесный гриб тебе на язык, — пугается Лешик, — не каркай! Кузьке срочно помощь нужна, а то он взрослым не станет!

— От моды отстане-е-ет, — дразнится эхо.

— А если он срочно взрослым домовым не станет, то на него злая тоска-лиходейка нападет. И будет наш Кузька тихий, разумный и печальный.

— Как хвост мочальны-ы-ы-й! — совсем распоясалось эхо.

— Ах, так, — с Кузькиной мордашки печаль как дождем смыло, — выходи, коли ты такой смелый!

— Будем силой меряться! — продолжает Кузька.

— Ага, будем! — храбрится лешонок.

— Я хоть и печальный, как хвост мочальный, но от моды не отстал и приемчики знаю! — грозит Кузька.

— Он такой! — добавляет маленький леший.

— Вот распищались, — раздается прямо у него за спиной дребезжащий голос, — весь лес перебаламутили. Разве гости так себя ведут?

— Мы не нарочно, дедушка Диадок, — вежливо отвечает Кузька. Это он с неведомым эхом пе-нечным так невежливо разговаривал, потому что оно первое дразниться начало. А со старым лешим Кузька говорил всегда уважительно. Потому что тот был мудрым, справедливым и все знал. Не про все на свете, конечно, а только про лес, но и это немало.

И домовенок рассказал о своем желании поскорее повзрослеть. Покачал Диадох головой, вздохнул глубоко и ответил:

— Вот был у нас случай. Захотела как-то Баба Яга молоденькой стать. Не то нога костяная ей надоела, не то гонять добрых молодцев тяжело стало, непонятно. Да

только взбрело ей в голову, что неплохо было бы ей яблоч молодых отведать. Стала она в нашем лесу их искать. Все яблони обтрясла.

— Все понятно, — обрадовался Кузька, — раз Яга молодые яблоки искала, я буду «взрослильные» искать.

— погоди, не перебивай, — проскрипел Диадох, — обтрясти-то она обтрясла, да только молоденькой не стала, лишь оскомину наела. Не растут в нашем лесу такие яблоки.

Кузька представил, как Яга молодой стала, и обрадовался:

— Хорошо, что не превратилась! Баба Яга лучше. И пироги печет духовитые, и за нами с Лешиком гоняется плохо. А Девочка Яга все наоборот делала бы: пироги б у нее горели, как у всех девчонок, а ноги в два раза быстрее бегали. Нет, хорошо, что в вашем лесу яблоч молодых не оказалось. А то бы точно мы с Лешиком в Ягиный горелый пирог попали!

— Значит, ты раздумал во взрослого превращаться? — обрадовался Лешик.

— Ничего и не раздумал, — ответил Кузька, — дедушка леший, а, дедушка леший, подумайте покрепче, может, вспомните еще что-нибудь?

Долго думал старый леший. Пока он думал, из пенька старого опята выскочили и под кусты разбежались. Понял Кузька, что это они дразнились, а не эхо, но сердиться не стал. Ведь он хочет взрослым стать, а они на детские шалости не обижаются.

— Вспомнить — не вспомнил, — молвил наконец леший, — а вот придумать — придумал.

— Говори скорее, дедушка, а то вечер скоро, а мы еще не поиграли совсем, — тербит его за бороду Лешик.

— Так вы теперь играть не будете, — хитро прищурившись, отвечает дед, — станет Кузька взрослым, а взрослые играть

не любят. Они в свободное время любят на солнышке старые кости греть и о молодости вспоминать.

Призадумался Кузька: не хочется ему кости греть и прошлое вспоминать, он бы лучше с зайцами в салочки поиграл, да не хочется ему на попятную идти. Решил стать взрослым — ничего не поделаешь. Надо становиться.

— Маленькие дети почему маленькие? — говорит меж тем дед Диадох. — Потому что они ничего толком не умеют и всему еще учатся. А если бы они делали все правильно, то и нужды учиться у них не было бы, можно было бы сразу взрослыми становиться.

— Понял-понял, — радуется Кузька, — надо делать все в точности так, как делают взрослые!

— Правильно понял, — кивает головой Диадох, пряча в бороде улыбку.

— Спасибо, дедушка, — низко кланяется Кузька. Знает он, что взрослые за добрый совет всегда благодарят и кланяются, вот и старается.

— А только вы мне присоветуйте, как сделать так, чтобы все правильно, по-взрослому было! Вот как вы делаете, чтобы в лесу порядок был?

— Главное в моем деле — это свобода, — ответил леший, — в моем хозяйстве, в лесу, всем вольготно должно быть. И ветерку непокорному, и животным разным, и эху-насмешнику. Понял?

— Понял, — неуверенно говорит Кузька, — в моем хозяйстве, в доме значит, всем вольготно должно быть. И ветру, и животным всяким, и эху-насмешнику.

Так просто, оказывается, взрослым стать! Как же он сам не догадался!

Глава 4. Квакузенька

По дороге домой Лешик и Кузька все-таки немного поиграли. А чего не поиграть, если еще можно? Правда, домовенок все время повторял про себя слова старого лешего «ветерок, животные всякие, эхо», чтобы не забыть.

Грустно прощался с ним маленький леший на опушке.

— Теперь у тебя другие друзья будут, взрослые? — спрашивает он Кузьку.

— Ага, — важничает Кузька, — скоро меня взрослые домовые для советов вызывать будут.

— А со мной тебе водиться совсем нельзя будет? — тихо говорит Лешик.

— Как это нельзя? Как нельзя? — возмущается домовенок. — Бабушка Настасья и с внучками, и со мной водится, и никто ее за это не ругает. Так что мне с тобой тоже дружить можно будет. И с тобой, и с шишигой Юлькой, и с Лидочкой.

— Это хорошо, — веселеет его друг и долго стоит на опушке, провожая взглядом бегущего к дому домовенка.

Начать взрослеть Кузька решил с утра. Все взрослые важные дела обычно с утра начинают, а он должен делать все так, как делают взрослые. Утром дождался домовенок, когда бабушка Настасья с Анюткой ушли на речку лен мять, вызвал на крыльцо Лидочку, шишигу Юльку и командует:

— Будете мне помогать. А то самому мне и за десять веков не управиться. Что там дедушка леший говорил? Сделать так, чтобы для всех вольготно было. Сначала — ветру. А ветру в нашем доме никакого простору нет. Плохо, можно сказать, живется ветру в нашем доме. Так что давайте я все окна и двери открою, Лидочка занавески с окон снимет, чтобы ветру летать не мешали, Юлька ветер со двора в дом вениками загонит. Приготовились: начали!

И закипела работа! Кузька окна-двери раскрывает да камушками их припирает, чтоб не закрывались, Лидочка занавески с петелек снимает, цветы на пол составляет. Шишига Юлька бегают и другими шишигами командует:

— Шибче, шибче машите! Нам маленьких ветерков в доме не надо! Нам бурю надо!

Машут вениками шишиги, запыхались, даже языки на плечо от усердия свесили. Получилось загнать маленький ураганчик. Шныряет по углам ураганчик, заставляет пылинки плясать. Вольготно ураганчику в доме — никто его не выгоняет, никто двери-окна не закрывает.

— Ветру свободу устроили, теперь животным будем устраивать, — вытирает Кузька пот со лба. — Лидочка, выпускай коровку, курочек и поросенка. А то сидят в своих коровниках, курятниках, поросятниках, воли не видят, а я из-за них должен маленьким оставаться!

Лидочка и рада. Ей тоже всегда жалко коровку было — что хорошего у нее в коровнике? Ни дорожек тканых на полу, ни окошек с цветами, ни росписи на печке, ни самой печки. Пусть уж немножко в доме поживет, порадует.

Только Буренка сама не захотела своего счастья понимать.

Куры — и те поняли. Они вообще давно в доме жить мечтали — там и крошек под столом полно, и ястребы цыплят не сцапают.

А вот Буренка — не мечтала. Кузька с Лидочкой ее и на веревочке вели, и сзади толкали — ни в какую.

— Буреночка, миленькая, иди жить на свободу! — чуть не плачет Кузька. — Мне очень надо.

— Не пойду-у-у-у! — мычит корова. — Там травы мало, только цветочки какие-то невкусные в горшках. Мне их и на полдник не хватит!

— А откуда ты знаешь, что они невкусные? — домовенок даже забыл, что ему расстраиваться надо.

— Я один однажды с окошка ску-у-ушала, — признается Буренка, — мне даже бабушка Настасья прутиком погрозила.

— Ну, однажды скушала, значит, и еще раз съешь, не отравишься, — рассудил Кузька. Уперся он ладошками в коровью ногу и давай толкать ее в дом!

— Шлушай, Кузенька, — шепчет ему на ухо шишига, — это уже не швобода, это уже что-то другое получаетшя. Шкажи точно, что тебе шта-рый Диадох говорил?

— Говорил, что всем животным должно вольготно быть. С кем хотят — с тем и дерутся. Что желают — то и кушают.

Где хотят — там и живут... А ведь и точно! Опять я что-то перепутал. Иди, Буренка, в свой коровник или в чисто поле.

Отпустил он корову, а Лидочка расстроилась. Уж очень хотелось ей Буренку домоткаными ковриками и нарисованными цветами на печке удивить! А Кузька меж тем продолжает порядок наводить. Осталось совсем немного — свободу для эха устроить. Только кто знает, что этому насмешнику нужно? Еще никому не удавалось с ним по душам поговорить, о его желаниях узнать. Вредное оно, эхо, очень дразниться любит, вот никто с ним и не дружит.

— Лидочка, — командует Кузька, — тащи быстрее сюда Анюткину книжку. Там на каждую букву слова есть.

Мала еще Лидочка, читать не умеет. Да и не страшно это — Кузька уже давно азбуку освоил: и вслух читать умеет, и даже про себя немножко.

— Что тут у нас на «Э»? — протянул Кузька со знанием дела. — Э-ква-тор.

— Ой, шишиги родные, — завопила вдруг Юлька, будто на пчелу села, — обманули-запутали! Хотел Кузенька во взрошлого превратиться, а на шамом деле в лягушку превращаетшя!

Домовенок с перепугу даже книжку выронил и быстрее к лужице ближайшей помчался. Хотел он посмотрется в нее, как в зеркало, как он в лягушку начал превращаться. А шишига решила, что он, как все порядочные лягушки, просто к воде стремится.

— Погоди, Кузенька, — кричит она вслед Кузьке, — скажи мне быстро, как тебя теперь звать будут, пока шовсем разговаривать не разучилшя. Квакузя или Куквазя?

Подбежал домовенок к лужице — смотрит, все в порядке.

Глазки — как глазки, вовсе не лягушачьи, а домовячьи глазки. И цвет лица вполне приличный, и бородавок лягушачьих не наблюдается. И с чего шишига взяла, что он

в лягушку почти превратился? Побежал он обратно, а Юлька пуще прежнего орет:

— Ой, не приближайся ко мне, Квакузенька, а то вдруг ты заразный? А я не только взрослеть штать не хочу, но и лягушкой тоже. Мне и в шишигиной шкурке хорошо!

— И никакой я не Квакузенька, — сердится домовенок, — я самый что ни на есть домовый Кузька!

— Ой, радость пришла в мой дом, — хлопает в ладошки Юлька, — Кузька квакать перештал!

— И вовсе я не квакал, — оправдывается домовенок, — это слово такое в книжке написано: экватор. Я не виноват, что оно на лягушачье кваканье похоже! И не путай меня больше! Сядь на полено и рот ладошками прикрой, пока я дальше читать буду.

Послушалась шишига. Она и сама поняла, что опять все напутала и только время у Кузьки отняла. Села она на полено березовое, юбочку аккуратненько расправила, ротик ладошками прикрыла. Слушать приготовилась, как Кузька дальше читать будет.

— Эхо живет в пещерах, пропастях, лесах и пустых комнатах, — читает он громко. — Все понятно. Пропасть на месте дома мы вырыть не успеем, будем делать пустую комнату. Быстренько-быстренько давайте все из дома выносить, пока бабушка с Анюткой не вернулись.

— Вот здорово! — радуется Лидочка. — Вернется бабушка усталая, а дома — хорошо, прохладно, ветер гуляет и места свободного — хоть в жмурки играй, хоть в догонялки бегай. Я давно хотела из дома все вещи лишние вынести, да только думала, что ты не позволишь, заругаешь.

— И не позволил бы, если бы мне не надо было во взрослого превращаться, — сетует Кузька, — а вот бабушка Настасья нас точно заругает. Она-то не знает, что в доме вольготно всем должно быть, даже эху!

— Не заругает, — подговаривает его Лидочка, — она увидит, что ты взрослым домовым стал, и так обрадуется, что и ругаться позабудет.

— Разговаривают! А шишига бедная за всех должна штаратыпя! — бормочет Юлька, волоча мимо них домотканый коврик.

Хорошо все поработали! Прошло совсем немного времени, а в доме — ни одной лишней вещи. Только печка стоит и мебель тяжелая, которую они вытащить без помощи взрослых не смогли. Зашел Кузька в дом, хорошо в доме! Всем в нем вольготно: и курам, и поросеночку, и ветру.

— Эхо, ты тут? — крикнул Кузька, насколько сил хватило.

— Тут, — быстро отозвалось эхо.

— Тебе здесь вольготно?

— Годно, — согласилось эхо.

— Значит, мне стараться больше не надо? — обрадовался домовенок.

— Надо, надо, — капризничает эхо.

— Ну уж, хватит, — не согласен Кузька. — Мне старый Диадох что сказал? Чтобы всем вольготно было, и все тут. А больше я ничего делать не буду! Устал, притомился.

— Ш печки швалилшя, — отвечает эхо.

Понял Кузька, что это не эхо, а уже шишига над ним подшучивает. Но не обижается. Ведь он теперь взрослый.

— Ну что, нравятся тебе мои усы? — спрашивает он Юльку.

— Ой, какие крашивые, — восхищается Юлька, — только они у тебя пока еще незаметные.

Бросился Кузька самовар искать, чтобы в него посмотреться, а найти никак не может. Самовар-то тоже теперь на улице живет, он тоже лишней вещью оказался. Пришлось на улицу бежать. Посмотрел домовенок на свое отражение — усов нет! Понял, что не удалось ему стать взрослым. А почему? Он же все правильно делал!

А тут во двор влетает Лешик — запыхался, взлохматился весь, еле говорить может.

— Дедушка забыл сказать, — кричит, — что это средство только для леших подходит. Потому что в лесу — свои правила, а в доме — свои!

Глава 5. Сестрица на курьих ножках

Хорошо, что в Кузькином доме все дружные. Помогли домовенку в аккурат к возвращению бабушки вещи в дом занести, а ветер, поросенка и кур выгнать. И эхо само ушло. Обиделось, наверное.

Расстроился Кузька, что не получилось у него взрослым с первого раза стать, а все-таки доволен, что не надо больше дом переделывать. Ну и что, что в доме ни урагана, ни эха

нет? Зато в нем вольготно и людям, и маленьким домашним духам. А большего и не надо.

Не унывает домовенок: знает, что с первого раза не все получается даже у взрослых. «Первый блин — комом», — любит говорить бабушка Настасья и даже специально первый блин комом делает, чтобы куры могли полакомиться.

— Может, Баба Яга поможет? — заглядывает ему в глаза Юлька. — Она хоть и коварная, но немножечко волшебница. Всякие травы шобирает, зелья варит.

— Вот неразумеха! — всплескивает руками домовенок. — Яга ведь вредина, каких свет не видывал. Нарочно мне зелье какое-нибудь неправильное подсунет. И стану я не взрослым, а совсем грудным, негодным ни на что домовеночком. И жди опять семь веков, пока не вырастешь!

— А вдруг поможет? — не соглашается Юлька. — А ешли она и впрямь тебя во что-нибудь неправильное превратит, то я тебя шпашу! Приду к ней в гошти и буду визжать, пока она из тебя обратно Кузьку не шделает.

— Поможет ли? — сомневается домовенок.

— А давай попробуем, — предлагает шишига, — давай мне что-нибудь не разрешай, а я визжать начну. Шразу, как миленький, все на швете разрешишь!

Пробовать Кузька не захотел — и так знал. Но раз у тебя такие надежные друзья за спиной — ничего не страшно. И побежал Кузька к Бабе Яге.

* * *

Бежит Кузька по лесной тропинке и только об одном беспокоится: как бы Яга в Доме плохого настроения не оказалась. Когда она в этом доме живет, то к ней не то что с просьбами идти, а вообще лучше на глаза не попадаться. Съест. Или нехорошими словами обругает.

Страшновато немного домовенку, да делать нечего. Не к кому ему со своей бедой обратиться. Можно было бы, конечно, Нафаню спросить или Вуколочку, да они вместе с другими взрослыми домовыми вниз по речке в соседнюю деревню на обмен опытом ушли. А Кузьку не взяли.

Опять взгрустнулось было домовенку: вот ведь несправедливость! И хозяйство он вроде хорошо ведет, и уважением пользуется, а опыт его никому не нужен. Мал еще.

— Ну, ничего. Вот вернутся взрослые домовые, а я сижу на крылечке, бородой землю мету. «Здравствуйте, дедушка, откуда к нам пожаловали?» — спросят домовые. А я ка-ак вскочу с крылечка, как запрыгаю, как закричу: «Это вовсе не дедушка незнакомый, это я, ваш Кузька!» Вот радость!

Совсем не думает домовенок, что, когда он будет взрослым дедушкой, нельзя ему прыгать и кричать, словно маленькому домовенку. Да и думать-то особенно некогда. Потому что густые заросли орешника вдруг ка-ак затрещат, ка-ак заколышатся!

Испугался Кузька, да виду не подал. Хотел он, как обычно, мускулами своими пригрозить, да вспомнил, что взрослые не так при виде опасности неведомой поступают. Поклонился он низко, до земли, и молвил:

— Не сердись, чудо неведомое. Ежели ты старый человек, то будь мне почтенным батюшкой. Если добрый молодец, то верным братцем. Если красна девица, то нежной сестрицей. А если ты детеныш какой-нибудь, то еще лучше. Играть вместе будем.

— Лучше сестрицей, — проскрипел из кустов противный голос.

Почесал Кузька в затылке — совсем не хочется ему нежную сестрицу с таким неприятным голосом иметь, да делать нечего.

Никто его за язык не тянул, сам напросился. Что поделаешь! Не так легко быть взрослым, как кажется.

— А ты щи варить умеешь? Курники печь? — спрашивает он.

— Все я умею, — грустно отвечает «сестрица», и выходит из кустов... избушка Бабы Яги! Та, в которой Яга в хорошем настроении живет.

— Опять поссорились? — догадывается домовенок.

Понимает он, что плохо дело. Если уж любимая избушка Яги от нее в кустах прячется, то маленькому домовенку Кузьке и подавно ей на глаза попадаться не следует.

— Совсем плохая Бабуся Ягуся, — всхлипывает избушка на курьих ножках, — раньше, когда у нее настроение портилось, просто уходила в Дом для плохого настроения и там лютовала в свое удовольствие. А теперь подговорила против меня тот дом и вместе гонялись за мной по всему лесу, шишками да поганками кидались, вслед плевались, голосами дикими пугали. Тому-то дому ничего, он и так страшный да ободраный, а у меня ставенька оторвалась, на одной петле болтается, да палец один о пенек зашибся. Хромаю теперь. Не помру?

— Не бойся, сестрица, от пальца не помрешь, — заверяет ее Кузька, — давай посмотрю.

— А ты умеешь? — опасается избушка.

— Да я шишигам этих пальцев столько вылечил, сколько дней в году у Яги плохое настроение бывает, — хвастается Кузька.

— Тогда лечи, — соглашается избушка, — только не больно, а то нечаянно ногой дрыгну, зашибу.

Нашел Кузька подорожник, поясок свой василькового цвета снял, примотал листик к больному пальчику избушки. Лист подорожника прохладный, а сок у него целебный, любые болячки в считанные минуты вылечить может.

— Не болит! Батюшки мои, дубы столетние, не болит! — прыгает на одном месте избушка. — Вот спасибо тебе, добрый молодец! Вот спасибо! А может, и ставеньку на место приладишь?

— Приладил бы, да некогда мне, надо хозяйку твою искать, — вздыхает Кузька, — дело у меня к ней наиважнейшей важности.

— Ой, не ходи к ней сейчас, домовенок, только хуже будет, — советует избушка, — лучше через недельку прибегай, когда она по пирогам да блинам соскучится. Я ее на славу накормлю, она пообреет, а тут — ты.

— Спасибо на добром слове, да мне сейчас надо. Ни минуточки ждать не могу.

— Ладно, — вздыхает избушка, — мигом домчу тебя до Дома для плохого настроения. Только близко подходить не буду, а то воронами закидают.

Зашел Кузька в избушку, и та напрямик через чашобу ломанулась.

Пока ехал, Кузька и ставеньку на место поставил, и с пола кое-какие упавшие предметы поднял и на свои места положил. Домовые — они такие, порядок любят. Совсем без дела сидеть не могут, даже не в своем доме.

Скоро и избушка остановилась. Вышел Кузька — совсем другая природа вокруг. Деревья поваленные, лишайниками поросшие. Ни птиц, ни бабочек не видно, только тени какие-то мелькают — не то мыши летучие, не то листья падучие.

— Дальше я идти не могу, — грустно говорит ему избушка, — боюсь. Но тебя в кустах подожду. Кто знает, а вдруг живым останешься? Тогда я тебе от погони укрыться помогу. У меня теперь палец не болит, я шибче прежнего бегать могу!

Поклонился домовенок избушке в куриные ножки и все-таки не удержался, чтобы не спросить:

— А почему ты мне помогаешь? Ты же Бабе Яге помогать должна?

— Во-первых, — задрала избушка одну лапу и загнула на ней палец, — ты мне помог. Не за услугу помог, а по доброте душевной. А во-вторых, сестрицей назвал. А меня никто так не называл, даже последний пень трухлявый. Все избушка да курица безмозглая. Сестрицей-то быть лучше.

Глава 6. Чудище заморское

Хмурый стоит Дом для плохого настроения, неприветливый. Да он никогда приветливым и не бывает. Характер у него такой. Постоял немножко Кузька, прислушался — вроде бы тихо в доме, никто посуду не бьет, никто стулья не ломает. Может, отлютовалась Баба Яга, успокоилась? Набрался смелости домовенок, поднялся на крыльцо хлипкое и в дверь постучал.

Молча распахнулась дверь избушки, даже «кто там» не спросила. Распахнулась и сбросила домовенка с крыльца. Скатился Кузька кубарем, но не ушибся. И не ждал он, что его хлебом-солью встречать будут, ко всяким неожиданностям готов был.

— Так. В дверь не получается, в окно полезу, — решил он.

Трудно в окно лезть, высоко оно над землей, а Кузька — маленький. Только рукой за ставню зацепился, как из окна метла высунулась и давай его мутузить!

— Пусти меня, Бабуся Ягуся, все равно в дом проберусь! — кричит Кузька.

— Не пущу! — отвечает Яга. — У меня настроение плохое, а когда оно у меня плохое, я за свои поступки не отвечаю. Съем тебя, а потом переживать буду!

— Ну и ешь! — храбрится Кузька. — Все равно мне без твоего совета жизнь не мила!

Конечно, он вовсе не хочет, чтобы Яга из него жаркое приготовила, это он просто удивить ее хочет. Когда человек удивляется, он покладистым делается, даже если это Баба Яга в плохом настроении.

— Тогда тем более не пущу! — злорадствует Яга. — Это очень хорошо, что тебе жизнь не мила. Мне она тоже не мила!

Замолчал домовенок, ничего не отвечает.

— Эй, Кузька, ты что, домой ушел? — интересуется Баба Яга. — Это не честно. Обещал помереть без моего совета, а сам домой уходишь. Помирай давай быстро, яхонтовый мой, а я над твоим телом причитать буду. Может, полегчает! Не отвечает Кузька.

— Никак, помер уже? — пугается Яга. — Вот незадача! А я думала еще с тобой побраниться немного, метлой тебя погонять, дикими криками попугать, поганками закидать.

Высунула она голову в окошко, а тут вдруг за спиной ее что-то зашумело, затрещало, клубы пыли поднялись. Обернулась Яга, а перед ней стоит чудище невиданное — все мхом поросшее, паутиной опутанное.

— Ай, мамочки, кто это? — закричала Яга и на лавку запрыгнула.

— Чудище я, — отвечает чудище.

— Сама вижу, что чудище. Только не признаю. На Лихо не похоже, на василиска тоже.

— А я иностранное чудище, из-за моря пришло. Не поможешь Кузьке, навсегда у тебя жить останусь, пугать тебя буду, — грозит чудище.

Хотя и не чудище это заморское вовсе, а сам домовенок. Это он через трубу печную в избушку пробрался и так запачкался, что его сама Баба Яга не признала.

Только Яга себя как-то неправильно повела. Вместо того чтобы испугаться и на все согласиться, она села на скамейку, ногу костяную на другую ногу положила и жалостливым голоском причитать начала:

— И-и-и, нет в жизни счастья! Совсем добры молодцы извелись на белом свете. Одни домовята неразумные да чудища заморские по лесу шастают. Никакого азарту для жизни не стало. Я и прихорашиваюсь, и умываюсь даже раз в году на день рождения, и зуб свой однажды почистила, а молодцев — нет как нет.

— Так вот почему ты лютуешь, — догадывается Кузька, — добры молодцы к тебе давно не заходили.

— Не заходили, — шмыгает носом Яга, — и добрые не заходили, и недобрые не заходили, никакие не заходили. Я уж и забыла, какие они на вкус, молодцы-то.

— А ты на вегетарианскую пищу переходи, — советует Кузька, — грибочки там, ягодки.

— Да разве только в пище дело? Мне же кроме еды еще и общение требуется! В баньке попарить, путь указать, совет мудрый дать.

— Ладно, давай свой совет, — отряхивается Кузька от пыли и паутины. — Значит, так, совет мне нужен такой: как мне быстро-быстро взрослым стать?

— И-и-и, обманщик, — кричит Яга, но, кажется, не очень сердится, — надо же, меня, саму Ягу костяную ногу обмануть смог! Только я тебе совет давать не буду, пока ко мне какой-нибудь добрый молодец не пожалует и я от радости доброй опять не стану.

— А ты мне посоветуй, я повзрослею и сам добрым молодцем стану, — обещает Кузька.

— Хорошо, — соглашается старушка, — только знай, яхонтовый мой, что больше ты никогда своих родственников не увидишь. Потому как слово я себе дала, что первого молодца, который ко мне пожалует, я никуда не отпущу. Не понравится он мне — съем. Понравится — в плен возьму. Буду каждый день ему советы давать, в баньке парить и путь указывать куда-нибудь. До тех пор пока новый молодец не пожалует.

— А я от тебя сбегу, — храбрится домовенок, — чай, не первый раз, чай, сбегал уже.

— А я с тоски зачахну, — грозит Баба Яга, — тебе же потом всю жизнь стыдно будет.

Задумался домовенок. Грустно, конечно, что Яга ему помогать не хочет, а с другой стороны — старушку тоже жалко. Одинокая она, никто ее не любит, никто с ней дружить не хочет, все ее боятся. И перевоспитывать ее поздно — стара уже, слушаться не будет.

— Знаешь что, Бабуся Ягуся, — говорит ей Кузька, — надо тебе какое-нибудь дело найти. Это тебя и от мыслей печальных отвлечет, и развеселит. Вот я из своей азбуки слово новое узнал, на букву Г — гербарий. Оказывается очень интересное занятие — собирать гербарий. Я и Анютку научил. А ты в лесу живешь, столько трав знаешь.

— Вот диво-то! — радуется старушка. — А туда только растения засушенные клеивать можно? А молодцев нельзя?

— Молодцы в гербарий не поместятся, — авторитетно говорит Кузька, — они большие. Ну, пошел я. А то скоро наши из соседней деревни вернутся, а я еще не вырос.

— Жаль, что я вредная, — провожает его Баба Яга, — а то я тебе точно какой-нибудь совет бы сказала. А из-за вредности — никак не могу. На то я и Яга.

Вышел Кузька из Дома для плохого настроения, пошел Дом для хорошего настроения искать. Хоть и нет за ним погони, да до деревни скорее добраться хочется.

Обрадовалась ему избушка, на одном месте запрыгала, чуть посуду всю не перебила.

— Смотри, как я прыгаю! Совсем палед не болит! А поясок твой я постирала и погладила, пока тебя ждала. Он мне больше не понадобится. Ну что, помогла тебе Ягуся? — спрашивает.

— Нет, — кричит Яга из чащи, — не помогла. Вези его домой быстрее, а то я уже отлютовала, пирогов и уюта хочу. Да и гербарий лучше в хорошем доме делать, чтобы аккуратнее получился. Надо же людям знания свои нести.

Не стала избушка спорить, посадила Кузьку и помчала его через чащу к опушке леса.

— Не помогла, — вздохнула вслед им Баба Яга, — из-за вредности и потому, что не знаю, как из маленьких домовых больших делать. А признаться — стыдно. Уважать меньше будут. Да и не ополоумела я еще совсем, таких ладненьких, румяненьких домовеночков во взрослых бородатых домовых превращать! Надо больно!

До опушки избушка домовенка не довезла, боялась, что люди ее увидеть могут. Высадила недалеко, в кустах. Поклонился ей Кузька низко, как положено:

— Спасибо, сестрица, век не забуду доброты твоей.

— Да не за что, братец, — засмущалась избушка, — будет время — захаживай. У меня для тебя завсегда пироги да кисель найдутся.

Заспешил Кузька в деревеньку, а Дом для хорошего настроения стоит, куриной ножкой вслед ему машет.

— Надо же! Маленький, а ведет себя как настоящий добрый молодец, всю душу растревожил, — говорит и слезу, из окошка сбежавшую, лапкой смахивает.

Глава 7. В когтях у хищной птицы

— Я так не играю, — встречает его шишига Юлька, — я только шобралашь тебя шпашать идти, а ты пришел — живой и невредимый. Даже шкушно.

Посмотрел Кузька на шишигу — и что-то с ним сделалось. Стоит, трясется весь, руками за живот схватился, пищит, точно мышь на концерте.

— Лидочка, — кричит шишига, — беги шюда быштнее, ш Кузенькой лихоманка шделалашь!

Прибежала Лидочка, посмотрела на Кузьку — озадачилась, посмотрела на шишигу — и точно так же, как Кузька, за живот схватилась.

Почесала шишига лапкой в лохматульках и поняла:

— А-а-а, это вы надо мной шмеетешь! Вам мой наряд не нравитшя!

А наряд у шишиги и вправду замечательный. Ведь она Кузьку спасти собралась. Вот и оделась как добрый молодец из Кузькиной книжки. Вместо кольчуги — банка консервная. Прогрызла в ней шишига дырку, просунула голову, получилась большая консервная банка с головой на тоненьких ножках. На голове вместо шлема — скорлупа яичная, в одной руке, вместо щита, — большая деревянная пуговица деда Пети, в другой, вместо булавы, — куриная косточка обглоданная.

— Чего шмеетешь, — кричит Юлька, — я вше правильно придумала. Пошла бы я ш Бабой Ягой на бой праведный, пошмотрела бы она на меня и померла бы шо шмеху шердешная. Вот я и победила бы, и Кузеньку ошвободила.

— А ведь правда, — всплеснул руками домовенок, — эх и смышленая ты у меня, Юлька! Как ты догадалась, что Ягу не палками да мускулами побеждать надо, а добром да смехом?

— Как-как, — передразнивает его Юлька, — шам же мне и подшказал. Што раз мне рашказы-вал, как с Бабкой Ежкой шражался. Один раз — рашмешил, другой — зуб вылечил, третий — ягодами вкусными накормил, четвертый — прошто шбежал. А ты уже взрошлым штал? А где у тебя борода? А с тобой уже играть нельзя, или еще можно?

— Тихо, тихо, — замахал руками домовенок, — это только ты сто вопросов сразу задавать умеешь, а я на твои сто вопросов сразу отвечать не умею! Взрослым я еще не стал. Не хочет меня Баба Яга во взрослого превращать. Ломается.

— Я б тебя тоже превращать не штала, — тихонечко шепчет шишига, — хоть я и вовсе не вредная.

— Чего-чего? — подозрительно спрашивает до мовенок, — чего ты сказала?

— Да ничего я и не говорила, — быстро говорит шишига, — шовсем ничего, тебе пошлышалось!

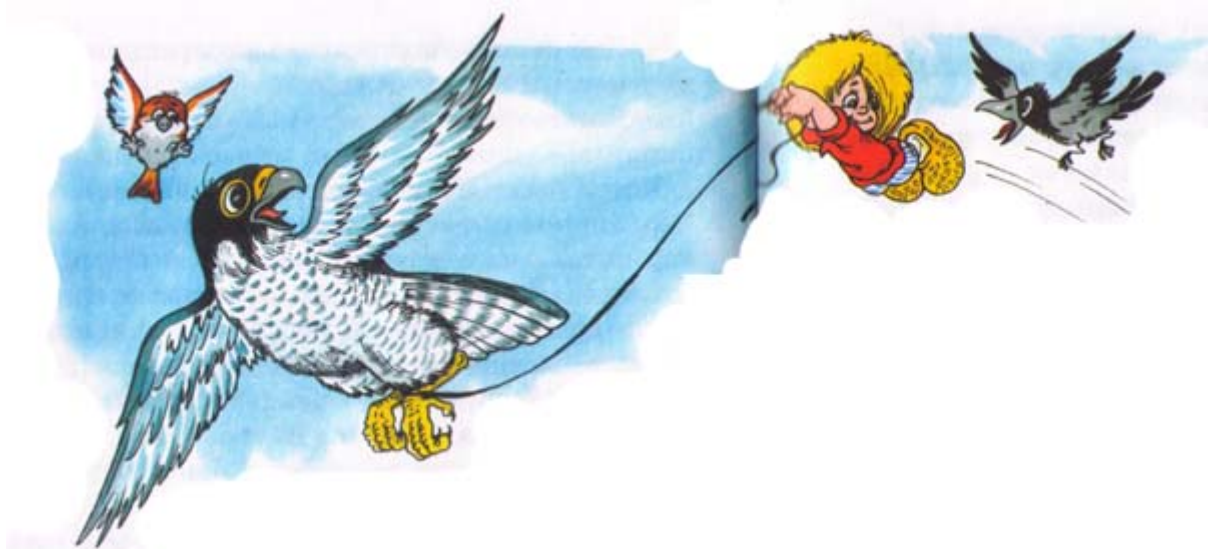
Хотел было Кузька возразить, да не успел. На птичьем дворе такой шум поднялся, такой переполох, что домовенок все на свете позабыл и со всех ног туда кинулся. Куры, конечно, и прос то так скандалить могут, но проверить не мешало бы. У Пеструшки только на днях цыплята вывелись, маленькие они еще, беззащитные. Как бы кто не обидел.

* * *

Не зря так спешил Кузька. Бежит он и видит: над птичьим двором огромная птица кружится. Глаза — злющие, как у Корогуши, крылья огромные, как веники, лапы цепкие, когти — как гвозди, клюв — как крюк. Не птица, а просто птичья Баба Яга какая-то. Правда, Кузька сразу ее узнал. Давно она за цыплятами охотилась.

— Лети прочь, — кричит он на бегу, — тут тебе не степь, а цыплята — не вредители. Нечего тут тебе делать!

Только птица его не слышит, а может, специально вид делает, что не слышит. Не в обычаях хищных птиц на писк мышей и домовят отвечать. Так они, по крайней мере, считают. Кузька даже специально на забор вскарабкался, чтобы его виднее было. Поясок свой, избушкой выстиранный, снял, машет им, птицу прогоняет. Отвлеклась на мгновение птица: что это за воробей на заборе расшумелся? А в это время все цыплята успели под навес спрятаться. Все, кроме самого маленького, самого младшего. Замешкался цыпленок, заметался, не понимает, глупый, куда бежать надо. А хищной птице того и надо. Кинулась она камнем на малыша, схватила его лапами и дальше полетела. Полетела, да не в ту сторону. Надо было ей подальше от забора, на котором Кузька сидел отлететь, а она прямо над ним полетела. Подразнить, наверное, вздумала.

Да и Кузька не лыком шит. Быстро сделал из пояска петлю, прицелился, да и зацепил им лапу огромной птицы. Та даже от неожиданности цыпленка выпустила. Хорошо выпустила, удачно, прямо на кучу свежескошенной травы, так что малыш даже не ушибся. А вот домовенок не успел на эту кучу прыгнуть. Он же не знал, что птица так быстро цыпленка выпустит, вот и не рассчитал маленько. А потом прыгать уже поздно было. Потому что птица высоко поднялась, падай не падай, никакие стожки не помогут...

Интересно лететь Кузьке! Так интересно, что почти и не страшно. Все видать ему сверху: и деревню, и лес, и речку. Жаль только, что шишигу не видно. Наверное, очень интересная она с высоты птичьего полета. Вон домики в деревне какие замечательные! Маленькие, аккуратненькие, как куличики песочные. А речка на поясок Кузькин похожа, которым он птицу поймал. А лес сверху таким пушистым кажется, что хочется прыгнуть на него и поваляться, как на перине пуховой.

Но знает домовенок, что прыгать нельзя. Это только сверху ветки такие мягкие, а стоит прыгнуть — вмиг лицо и руки раскорябают. Да и поясок отпускать жаль. Вон он какой полезный оказался — и избушке помог, и цыпленка спас, и домовенка катает.

— Эй, птица, — крикнул Кузька, — долго мне еще тут болтаться? Полетали и хватит. У меня дел невпроворот. До возвращения взрослых домовых надо цыплят научить от вас, хищников, прятаться, морковку прорядить и взрослым стать. Давай разворачивай!

Молчит птица, словно и не домовенок с ней разговаривает, а комар пищит. Обиделся Кузька и тоже замолчал. Раз она его не замечает, то и он ее не будет.

Только не замечать птицу трудно, все-таки не сам летит Кузька, а именно птица его несет. Несла-несла и, наконец,

принесла. Приземлилась в гнездо большое, корявое, и Кузьке хочешь не хочешь приземляться пришлось. Отпустил он пояс, а птице словно того и надо было. Распустила она крылья и взмыла в синее небо, только ее и видели.

— Эй, куда ты? — закричал домовенок. Он совсем забыл, что обиделся и решил не разговаривать с хищником.

— За другой добычей, — ответил ему писклявый голос, — нас много, а ты один. Не наедемся.

Осмотрелся Кузька и увидел, что кроме него в гнезде трое совсем не хорошеньких, почти голеньких птенчиков. А еще в гнезде, кроме птенчиков, страшный беспорядок. Тут в Кузьке обида говорить перестала, а чувство долга заговорило. Настоящие домовые, когда какой непорядок видят, просто больными делаются.

— Так, — командует он, — один — мусор из гнезда выкидывает. Второй — щели сухой травой заделывает. Третий — пух собирает и в середку носит. Перинку делать будем.

Птенцы так удивились, что этот лохматый зверек, вместо того чтобы пугаться, ими командует, что испугались сами и стали его слушаться. Солнце совсем немного по небу проскользнуло, как в гнезде полный порядок наступил. Вытер Кузька птенцам носы, крылышки им расправил, когти почистил. Сидят птенцы на перинке чистые, красивые, причесанные. А тут и птица прилетела.

Села на край гнезда, ничего не говорит, только внимательно все рассматривает. А Кузька тоже молчит — вспомнил, что он обиделся, и решил с птицей не разговаривать.

— Кто в моем доме самовольничал? — строго спрашивает птица.

— Мы самовольничали, — пищат дети, — это нас зверек невиданный научил.

— Сами прибрались? Сами щели законопатили? Сами перинку смастерили? — не верит птица.

— Сами, сами, — пищат птенцы.

А Кузька оробел немножко. Уж больно строго птица разговаривает. Сейчас разозлится еще больше, клюнет. А клюв у нее — как поварешка у бабушки Настасьи.

Приподнялась птица на лапах, раскинула крылья, вот-вот клюнет! Но не клюнула, а обняла крыльями домовенка, к себе прижала.

— Надо же, — говорит, — совсем маленький домовеночек, а приучил моих птенцов за порядком следить лучше самого большого и важного воспитателя. За это я дарю тебе жизнь и исполнение любого желания.

— Любого-любого? — не верит Кузька.

— Любого-любого, — подтверждает птица.

— А взрослым меня сделать можешь?

— Могу, — важно кивает головой птица, — только зачем тебе это? С моими птенцами ни один взрослый воспитатель сидеть не согласился, а ты их даже перевоспитал немного. А взрослым ты всегда успеешь стать, еще жалеть будешь, что детство вернуть нельзя.

— Это мое самое заветное желание. Или оно исполнится, или мне жизнь не мила, — заученно повторяет Кузька.

— Ну, смотри, — вздыхает птица, — как бы потом жалеть не пришлось.

Закрыв глаза домовенок, приготовился взрослым стать. Но тут ветер засвистел, дерево закачалось, подхватила Кузьку неведомая сила и понесла куда-то.

Глава 8. Самое заветное желание

Правда, он скоро опомнился. Открыл глаза, осмотрелся и увидел прямо перед своим носом крючковатый нос Бабы Яги. Летит Яга в ступе, помелом рулит.

— Вот неразумеха, — кричит домовенок, — не могла меня чуть-чуть попозже похитить! А я уже почти во взрослого превратился!

— Больно надо мне тебя похищать, яхонтовый ты мой, — фыркнула Баба Яга, — это я тебя спасаю.

— И спасти меня не надо, — кричит Кузька, — вези меня скорее обратно!

— И не подумаю. Как прознал Дом для хорошего настроения, что тебя хищная птица унесла, ни одной ватрушки сдобной не испек. Все кручинится. А у меня в животе от голода бурчит.

Знает Кузька, что с голодной Ягой спорить опасно, и не спорит. Можно было бы, конечно, силой с ней померяться, да неудобно как-то. Баба Яга — она ведь старушка. А старушек уважать надо, а не силами с ними меряться.

Уже почти стемнело, когда ступа к Кузькиному дому подлетела. Поэтому Яга и прятаться не стала. Высадила пассажира возле завалинки и к лесу полетела, даже благодарности выслушивать не стала.

А встречать его вышел Нафаня.

— Ну вот, — кручинится Кузька, — пока меня не было, все домовые вернулись. А я так и не стал взрослым. Ну ничего, завтра встану пораньше да пойду гнездо хищной птицы искать. Обещала она мое желание исполнить, значит, исполнит.

— Не об этом сейчас думать надо, — вздыхает Нафаня, — беда у нас. Шишига Юлька занемогла. Как увидела она, что тебя огромная птица унесла, упала замертво, не ест ничего, не болтает, песен не поет и даже не безобразничает.

— Вот беда-огорчение, — пугается Кузька, — хотел я на край света за советом идти, а видно, придется за лекарством.

Помрачнел домовенок. А кто не помрачнеет, когда лучший друг не ест ничего, не болтает и даже не безобразничает? Помрачнел, а потом вдруг как подпрыгнет! Как запляшет! Как закричит от радости!

— Ай да Кузька! Ай да я! Целое неисполненное желание сохранил! Прямо сейчас побегу к птице, попрошу, чтобы она лекарство для Юльки нашла.

— А твоего самого заветного желания тебе не жалко? — спрашивает Нафаня.

— Нисколечко! — честно говорит Кузька. — Взрослым я и так когда-нибудь стану. Да и, честно говоря, мне и домовенком неплохо живется.

Тут под крыльцом что-то зашуршало и из мышиного хода Юлька вылезла. Живая и здоровая.

— Выздоровела я, — говорит, — как только Кузька ради меня своим желанием пожертвовал, так и выздоровела. Наверное, птица эта волшебная была и желание на растоянии исполнить смогла. Только как же ты теперь, Кузенька, без исполненного желания жить будешь? На край света пойдешь?

— Не пойду, — отвечает Кузька, — как же я дом надолго оставлю? Не успел отвернуться — чуть цыпленка не унесли. Не успел отлучиться — шишига разболелась. Правда, взрослым все равно быть лучше. Взрослые — высокие. Они видят дальше.

— А ведь никто, кроме тебя, не увидел, как птица хотела цыпленка унести. Даже люди. А люди в пять раз тебя выше, — хитро говорит шишига.

— У взрослых домовых авторитет — мыши с первого слова слушаются, а мне сначала приходится авторитет устанавливать, — грустит Кузька.

— Подумаешь, мыши! А у кого в деревне самые послушные и вежливые шишиги? У тебя! А с шишигами не каждый взрослый домовый общий язык найти может! — успокаивает его Нафаня.

— И усов у меня нет, — уже не очень грустно вспоминает Кузька.

— Зато у тебя я ешть, — серьезно говорит шишига, — а я даже лучше, чем уши.

Подумал немного Кузька и решил, что шишига действительно лучше.

— А как же обмен опытом? Все взрослые домовые пошли, а меня не взяли!

— Так мы тебя просто за старшего оставили, — поясняет Нафаня, — когда все домовые из деревни уходят, всегда какого-нибудь умного домового оставляют. Должен же хоть кто-то за порядком следить! В этот раз ты дежурным был, а

в следующий — я буду. А ты вместе со всеми пойдешь, расскажешь, как хозяйство свое ведешь. Ведь тебе, маленькому, что-то и виднее!

— Чего-то я не понимаю, — мотает головой Кузька, — это что же на деле получается?

— Получается, что хоть тебе и всего семь веков от роду, а с работой своей ты справляешься не хуже самого взрослого домового, — торжественно говорит Нафаня.

— Ага, — добавляет шишига.

— Получается, что маленького и совсем не грозного домовенка слушается даже хищная птица, зловредная Баба Яга и непослушная шишига, — продолжает Нафаня.

— Ага, — соглашается шишига.

— Получается, что маленьким быть совсем неплохо, потому что хоть и усы не растут, да зато играть можно, и учиться, и ошибаться позволительно, — заканчивает Кузька.

А про себя понимает, что, наверное, не так уж и сильно хотел он взрослым стать. Маленьким домовенком совсем неплохо быть, особенно, когда зовут тебя — Кузькой.

— Я так не играю, — встречает
Кузьку шишига Юлька, —
я только шобралашь тебя
шпашать идти, а ты пришел —
живой и невредимый.
Даже шкушно.

ВШ/КАК КВЗЬКА ХОТЕЛ ВЗР
Код: 44838 Цена: 52.00 руб

